

*Николай Михайлович
Карамзин*

ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

В Д В Е Н А Д Ц А Т И Т О М А Х

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ
КАРАМЗИН

(1776–1826)

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ
КАРАМЗИН

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

Томы VII—IX

Москва

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
К21

На корешках книг многотомника представлена
панорама *Фридриха Дюрфельда*.
Вид Кремля с Софийской набережной. 1790-е гг.

Карамзин, Николай Михайлович.

К21 История государства Российского. В двенадцати томах. Тома VII—IX / Н. М. Карамзин. — Москва : Эксмо, 2025. — 512 с. : ил.

ISBN 978-5-04-228563-9

210 лет назад отечественному читателю были представлены первые тома издания «Истории государства Российского» Николая Михайловича Карамзина (1766–1826). Публикация произвела ошеломляющее воздействие на современников. Карамзин стал первым, кто открыл отечественную историю для широкого круга российского общества. Впервые наши соотечественники узнали, что история России не менее занимательная и поучительная, чем мировая. А незаурядный литературный талант автора, изящество его стиля сделали это монументальное произведение величайшим достижением золотого века русской литературы. И сегодня 12-томное творение российского классика остается ярким, живым, уникальным явлением русской культуры.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-04-228563-9

© Составление, комментарии, иллюстрации, макет.
Fortune Triumph Ltd, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Том VII

Глава I

ГОСУДАРЬ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ИОАННОВИЧ. 1505–1509 гг.

*Тесное заключение и смерть
Иоаннова внука, Димитрия. Общий
характер Василиева правления.
Посольство в Тавриду. Царевич
Казанский принимает веру нашу
и женится на сестре великого князя.
Поход на Казань. Дела литовские.
Война с Сигизмундом, Александровым
наследником. Мир. Союз с Менгли-
Гиреем. Освобождение Летифа.
Неудовольствия нашего посла
в Тавриде. Мирный договор
с Ливониею. Дела Пскова: конец его
гражданской вольности.*

Василий принял державу отца, но без всяких священных обрядов, которые напомнили бы россиянам о злополучном Димитрии, пышно венчанном и сверженном с престола в темницу. Василий не хотел быть великодушным: ненавидя племянника, помня дни его счастья и своего уничтожения, он безжалостно осудил сего юношу на самую тяжкую неволю, сокрыл от людей, от света солнечного в тесной, мрачной палате. Изнуряемый горестию, скукою праздного уединения, лишенный всех приятностей жизни, без отрады, без надежды в летах цветущих, Димитрий преставился в 1509 году, быв одною из умилительных жертв лютой политики, оплакиваемых добрыми сердцами и находящих мстителя разве в другом мире. Смерть возвратила Димитрию права царские: Россия увидела его лежащего на великолепном одре, торжественно отпеваемого в новом храме Св. Михаила и преданного земле подле гроба родителява.

Завещание, писанное сим князем в присутствии духовника и боярина, князя Хованского, свидетельствует, что он и в самой темнице имел казну, деньги, множество драгоценных вещей, отчасти данных ему Василием,

как бы в замену престола и свободы, у него похищенных. Исчислив все свое достояние, жемчуг, золото, серебро (весом более десяти пуд), Дмитрий не располагает ничем, а желает единственно, чтобы некоторые из его земель были отданы монастырям, все крепостные слуги освобождены, вольные призрены, купленные им деревни возвращены безденежно прежним владельцам, долговые записи уничтожены, и просит о том великого князя без унижения и гордости, повинуюсь судьбе, но не забывая своих прав.

Государствование Василия казалось только продолжением Иоаннова. Будучи подобно отцу ревнителем самодержавия, твердым, непреклонным, хотя и менее строгим, он следовал тем же правилам в политике внешней и внутренней; решал важные дела в совете бояр, учеников и сподвижников Иоанновых; их мнением утверждая собственное, являл скромность в действиях монархической власти, но умел повелевать; любил выгоды мира, не страшась войны и не упуская случая к приобретениям, важным для государственного могущества; менее славился воинским счастьем, более опасною для врагов хитростию; не унижал России, даже возвеличил оную, и после Иоанна еще казался достойным самодержавия.

Зная великую пользу союза Менгли-Гиреева, Василий нетерпеливо желал возобновить его: уведомил хана о кончине родителя и требовал от него новой *шертной*, или клятвенной, грамоты. Менгли-Гирей прислал

ее с двумя своими вельможами: бояре московские нашли, что она не так писана, как данная им Иоанну, и предложили иную. Послы скрепили оную печатями, а великий князь отправил знатного окольничего, Константина Заболоцкого, в Тавриду, чтобы удостовериться в искренней дружбе хана и взята с него присягу.

[1506 г.] Измена царя Казанского требовала мести. В сие время брат Алегамов, царевич Куйдакул, будучи нашим пленником, изъявил желание принять веру христианскую. Он жил в Ростове, в доме архиепископа: государь велел ему приехать в Москву; нашел в нем любезные свойства, ум, добронравие и ревность к познанию истинного Бога. Его окрестили торжественно на Москве-реке, в присутствии всего двора; назвали Петром и через месяц удостоили чести быть зятем государевым: великий князь выдал за него сестру свою, Евдокию и, сим брачным союзом как бы дав себе новое право располагать жребием Казани, начал готовиться к войне с нею. Дмитрий, Василиев брат, предводительствовал ратию, судовой и конною, с воеводами Федором Бельским, Шеиным, князем Александром Ростовским, Палецким, Курбским и другими. 22 мая пехота российская вышла на берег близ Казани. День был жаркий: утомленные воины сразились с неприятельскими толпами перед городом и теснили их, но конница татарская заехала им в тыл, отрезала от судов и сильным ударом смешала россиян. Множество

Василий III закончил завоевание Северо-восточной Руси присоединением к Москве последних удельцев. В связи с усилением власти при московском дворе посылаются послы иностранных держав Востока и Запада. Русь потерпела отъ нашествія крымскаго хана Гирея.

Государь Великий Князь Василий Иоаннович.

Государь Великий князь Василий III Иоаннович.

Рисунок В. П. Верещагина из альбома «История государства Российского в изображениях его государственных правителей». 1890 г.

пало, утонуло в Поганом озере или отдалось в плен; другие открыли себе путь к судам и ждали конной рати: она пришла, но государь, сведав о первой неудаче и в тот же день выслав князя Василия Холмского с новыми полками к Казани, не велел Димитрию до их прибытия тревожить города. Димитрий ослушался и посрамил себя еще более. Время славной ярмонки казанской приближалось: Магмет-Аминь, величаясь победою и думая, что россияне уже далеко, 22 июня веселился с князьями своими на лугу Арском, где стояло более тысячи шатров; купцы иноземные раскладывали товары,

народ гулял, жены сидели под тению наметов, дети играли. Вдруг явились полки московские: «Они как с неба упали на казанцев», — говорит летописец; топтали их, резали, гнали в город; бегущие давили друг друга и задыхались в тесноте улиц. Россияне могли бы легко взять Казань приступом: она сдалась бы им через пять или шесть дней, но утомленные победители хотели отдохнуть в шатрах: увидели там яства, напитки, множество вещей драгоценных и забыли войну; начался пир и грабёж: ночь прекратила оные, утро возобновило. Бояре, чиновники не жились под царскими наметами, лю-

бывались сим зрелищем и хвалились, что они ровно через год отмстили казанцам убиение наших купцев; воины пили и шумели; стража дремала. Но Магмет-Аминь бодрствовал в высокой стрельнице: смотрел на ликование беспечных неприятелей и готовил им месть за месть, внезапность за внезапность. 25 июня, скоро по восходе солнца, 20 000 конных и 30 000 пеших ратников высыпало из города и с криком устремилось на россиян полусонных, которых было вдвое более числом, но которые в смятении бежали к судам, как стадо овец, вслед за воеводами, без устройства, без оружия. Луг Арский взмок от их крови и покрылся трупами. Князь Курбский, Палецкий лишились жизни; воевода Шеин остался пленником; но спаслось еще столько людей, что они могли бы новою битвою загладить свою оплошность и робость: никто не мыслил о том; в беспамятстве ужаса кидались на суда, отрезывали якори; спешили удалиться. Одна конница московская под начальством Федора Михайловича Киселева и нашего служивого царевича Зеденая, Нордоулатова сына, оказала некоторую смелость: шла сухим путем к Мурому и, в 40 верстах от Суры настиженная казанцами, отразила их мужественно. В войске у Дмитрия находилось несколько иноземцев с огнестрельным снарядом: только один из них привез свои пушки в Москву. Товарищи его явились вместе с ним к государю, который, приняв других милостиво, сказал ему гневно: «Ты берег снаряд, а не берег себя: знай же, что люди искусные мне дороже

пушек!» Василий не наказал воевод из уважения к брату, главному полководцу, следственно и главному виновнику сего бедствия, но Дмитрий с того времени уже не бывал никогда начальником рати.

Таким образом, и Василиево государство, подобно Иоаннову, началось неудачным походом на Казань. Честь и безопасность России предписывали великому князю смирить Магмет-Аминя; уже знаменитый наш полководец Даниил Щеня готовился идти к берегам Волги, но вероломный присяжник изъявил раскаяние: или убежденный Менгли-Гиреем, или сам предвидя худые следствия войны для слабой Казани, он писал к Василию весьма учтиво, прося извинения и мира. Государь требовал освобождения посла нашего, Михаила Яропкина, также всех захваченных с ним купцев и военнопленных россиян. Магмет-Аминь исполнил его волю. Новою клятвенною грамотою обязался быть ему другом и признал свою зависимость от России, как было при Иоанне.

В сношениях с Литвою Василий изъявлял на словах миролюбие, стараясь вредить ей тайно и явно. Еще не зная о смерти Иоанновой, король Александр отправил посла в Москву с обыкновенными жалобами на обиды россиян. Государь выслушал, обещал законное удовлетворение, приветствовал посла, но не дал ему руки, потому что в Литве свирепствовали заразительные болезни. Известие о новом монархе в России обрадовало короля. Все знали твердость Иоанно-

ву: неопытность и юность Василиева казались благоприятными для наших естественных недоброжелателей. Александр надеялся заключить мир, прислав в Москву вельмож Глебова и Сапегу; но в ответ на их предложение возратить Литве все наши завоевания бояре московские сказали, что великий князь владеет только собственными землями и ничего уступить не может. Глебов и Сапега выехали с неудовольствием, а вслед за ними государь послал объявить зятю о своем шествии на престол и вручить Елене золотой крест с мощами по духовной родителя. Василий признал жалобы литовских подданных на россиян совершенно справедливыми и, к досаде короля, напомнил ему в сильных выражениях, чтобы он не беспокоил супруги в рассуждении ее веры. — Одним словом, Александр увидел, что в России другой государь, но та же система войны и мира. Все осталось как было. С обеих сторон изъяслялась холодная учтивость. Король дозволил греку Андрею Траханиоту ехать из Москвы в Италию через Литву, в угодность Василию, который взаимно оказывал снисхождение в случаях маловажных: так, например, отдал митрополиту Киевскому, Ионе, сына его, бывшего у нас пленником.

В августе 1506 года король Александр умер; великий князь немедленно послал чиновника Наумова с утешительною грамотою ко вдовствующей Елене, но в тайном наказе предписал ему объявить сестре, что она может прославить себя великим

делом, именно соединением Литвы, Польши и России, ежели убедит своих панов избрать его в короли; что разное верие не есть истинное препятствие; что он даст клятву покровительствовать римский Закон, будет отцем народа и сделает ему более добра, нежели государь единоверный. Наумов должен был сказать то же виленскому епископу Войтеху, пану Николаю Радзивиллу и всем думным вельможам. Мысль смелая и по тогдашним обстоятельствам удивительная, внушенная не только властолюбием монарха-юноши, но и проницанием необыкновенным. Литва и Россия не могли действительно примириться иначе, как составив одну державу: Василий без наставления долговременных опытов, без примера, умом своим постиг сию важную для них обеих истину, и если бы его желание исполнилось, то север Европы имел бы другую историю. Василий хотел отвратить бедствия двух народов, которые в течение трех следующих веков резались между собою, споря о древних и новых границах. Сия кровопролитная тяжба могла прекратиться только гибелию одного из них; повинувшись государю общему, в духе братства, они сделались бы мирными властелинами полунощной Европы.

Но Елена ответствовала, что брат ее супруга, Сигизмунд, уже объявлен его преемником в Вильне и в Кракове. Сам новый король известил о том Василия, предлагая ему вечный мир с условием, чтобы он возвратил свободу литовским пленникам и те места, коими завладели россияне уже

Князь Константин Иванович
Острожский.

Неизвестный художник. XVIII в.

после шестилетнего перемирия. Сие требование казалось умеренным; но Василий — досадуя, может быть, что его намерение царствовать в Литве не исполнялось,— хотел удержать все оставленное ему в наследие родителем и, жадуясь, что литовцы преступают договор 1503 года, тревожат набегами владения князей Стародубского и Рыльского, жгут села брянские, отнимают наши земли, послал князя Холмского и боярина Якова Захарьевича воевать Смоленскую область. Они доходили до Мстислава, не встретив неприятеля в поле. Королевские послы еще находились тогда в Москве: Сигизмунд упрекал Василия, что он, говоря с ним о мире, начинает войну.

[1508 г.] В сие время славный Константин Острожский, изменив данной

им Василию присяге, утвержденной ручательством нашего митрополита, бежал из Москвы в Литву. Любовь к отечеству и ненависть к России заставили его остыдить себя делом презрительным: обмануть государя, митрополита, нарушить клятву, устав чести и совести. Никакие побуждения не извиняют вероломства. — Сигизмунд принял нашего изменника, Константина, с милостию; Василий скоро отмстил Сигизмунду, объявив себя покровителем еще важнейшего изменника литовского.

Никто из вельмож не был в Литве столь знатен, силен, богат поместьями, щедр к служникам и страшен для неприятелей, как Михаил Глинский, коего род происходил от одного князя татарского, выехавшего из Орды к Витовту. Воспитанный в Германии, Михаил заимствовал обычаи немецкие, долго служил Албрехту Саксонскому, императору Максимилиану в Италии; славился храбростию, умом и, возвратясь в отечество, снискал милость Александрову, так что сей государь обходился с ним как с другом, поверяя ему все тайны сердечные. Глинский оправдывал сию любовь и доверенность своими заслугами. Когда сильное войско Менгли-Гиреево быстрым нашествием привело Литву в трепет; когда Александр, лежащий на смертном одре почти в виду неприятеля, требовал усердной защиты от вельмож и народа, Глинский сел на коня, собрал воинов и славнейшею победою утешил короля в последние минуты его жизни. Завистники молчали, но смерть Александрова отверзла им уста: гово-

Глинский Михаил Львович (1470–1534) — князь, военачальник, государственный деятель Великих княжеств Литовского и Московского, маршалок дворный литовский (с 1500), начальник Виленского монетного двора (с 1501). Предводитель «мятежа Глинских» (1508), после которого бежал в Московию. Удачно воевал с Сигизмундом, взял Смоленск (1514), но, не получив его в награду от Василия III, пытался бежать обратно к Сигизмунду. Был схвачен, 13 лет просидел в тюрьме, пока новая жена царя, племянница Глинского Елена, не выхлопотала дяде

рили, что он мыслит овладеть престолом и не хотел присягать Сигизмунду. Всех более ненавидел и злословил его вельможа Забрezenский. Михаил неотступно убеждал нового короля быть судиею между ими. Сигизмунд медлил, доброхотствуя неприятелям Глинского, который вышел наконец из терпения и сказал ему: «Государь! мы оба, ты и я, будем раскаиваться, но поздно». Он вместе с братьями, Иваном и Василием, уехал в свой город Туров; призвал к себе родственников, друзей; требовал полного удовлетворения от Сигизмунда и назначил срок. Слух о том достиг Москвы, где знали все, что в Литве происходило; государь угадал тайную мысль Михаила и послал к нему умного дьяка, предлагая всем трем Глинским защиту России, милость и жалованье. Еще соблюдая пристойность, они ждали решительного королевского ответа; не получив его, торжественно объявили себя слугами государя Московского, с условием, чтобы Василий оружием укрепил за ними их города в Литве, поместные и те, которые им волею или неволею сдадутся. С обеих

свободу (1527). Василий III не только простил Глинского, но, умирая, даже назначил его опекуном при своих сыне и жене. Однако Елена, захватив после смерти мужа (1533) власть, сместила всех опекунов, а дядю за критику ее распутного образа жизни (открытое сожитительство с женатым князем Оболенским) не просто снова заточила, а велела уморить голодом.

Албрехт Саксонский (Альбрехт III Храбрый; 1443–1500) — герцог Саксонии, губернатор Фризии; основатель альбертинской линии Веттинов.

сторон утвердили сей договор клятвою. Пьялая злобою мести, Михаил нечаянно схватил врага своего, вельможу Забрezenского, в увеселительном его доме близ Гродна: отсек ему голову; умертвил многих других панов; составил поак из дворян, слуг и наемников; взял Мозырь; заключил союз с Менгли-Гиреем и господарем Молдавским, из коих первый обещал завоевать для него Киев. Пишут, что Глинские действительно имели намерение восстановить древнее Великое княжение Киевское и господствовать в нем независимо; что многие из тамошних бояр присягнули им в верности; что Михаил думал жениться на вдовствующей супруге Симеона Олельковича, Анастасии, и тем приобрести законное право на сие княжество, но что добродетельная Анастасия, гнушаясь его изменою, не хотела о том слышать.

Глинский ждал московской рати. Воеводы наши, князья Шемякин, Одоевские, Трубецкие, Воротынские, пришли к нему на Березину, осадили Минск и разоряли все до самой Вильны; другие воевали Смоленскую область. Желая и надеясь

сокрушить Литву, Василий двинул еще полки из Москвы и Новагорода к Орше: первые вел знатный боярин Яков Захаревич, последние славный князь Даниил Щеня. Глинский, Шемякин, оставив Минск, явились близ Друцка, обязали тамошних князей присягою верности к государю Российскому и соединились под Оршею с Даниилом: громили пушками стены ее, замышляли приступ.

Никогда Литва не бывала в опаснейшем положении: Россия восстала; Менгли-Гирей и волохи готовились к нападению; внутри бунт и правление новое, коего все тайны, все способы были известны Глинскому; наемные королевские воины, немцы, требовали жалованья, а расточительность Александра истощала казну. Но Сигизмунд имел твердость, благоразумие и счастье, которое в делах мира нередко смеется над вероятностями ума. С необыкновенною деятельностью собрав, устроив войско, он приблизился к Орше, чтобы спасти сию важную крепость. Полководцы Василиевы изумились, сняли осаду и стали на восточном берегу Днепра. Дней шесть неприятели через сию реку смотрели друг на друга: россияне ждали к себе литовцев, литовцы россиян. Наконец воеводы московские пошли к Кричеву, Мстиславу: разорили несколько сел и спешили назад, защитить собственные пределы, ибо король, вступив в Смоленск, отрядил войско к Дорогобужу, к Белой и к Торопцу. Василий, поручив князьям Стародубскому и Шемякину

оберегать Украину, велел боярину Якову Захаревичу стоять в Вязьме, а Даниилу выгнать литовский отряд из Торопца, где жители, малодушно присягнув Сигизмунду, с радостию встретили нашего воеводу, который донес государю о бегстве неприятеля.

Хотя Василий, по-видимому, не имел причины славиться успехами своих полководцев, ни важными для России следствиями измены Глинских, однако ж казался доволен первыми и с великою милостию угостил Михаила, который приехал в Москву, пировал во дворце, был одарен щедро, не только одеждами богатыми, доспехом, азиатскими конями, но и московскими селами с двумя поместными городами, Ярославцем и Медынью. Братья Михайловы оставались в Мозыре, а люди, сокровища и знатнейшие единомышленники, князья Дмитрий Жижерский, Иван Озерецкий, Андрей Лукомский, — в Почепе. Михаил просил у государя воинов для сбережения Турова и Мозыря: Василий дал ему воеводу, князя Несвицкого, с галицкими, костромскими ратниками и с татарами.

Между тем литовцы сожгли Белую и взяли Дорогобуж, обращенный в пепел самими россиянами. Константин Острожский предводительствовал частью Сигизмундовой рати, обещая указать ей путь к Москве. Но великий князь не терял времени: сам распорядил полки и велел им с двух сторон, Холмскому из Можайска, боярину Якову Захаревичу из Вязьмы, идти к Дорогобужу, где начальствовал во-

Карта мятежа
 Михаила Глинского
 и московско-литовской
 войны.
 1507–1508 гг.

евода королевский, Станислав Кишка; сей гордый пан, имев некоторые выгоды в легких сшибках с отрядами российскими, уже думал, что наше войско не существует и что бедные остатки его не дерзнут показаться из лесов: увидел полки Холмского и бежал в Смоленск. — Таким образом неприятели выгнали друг друга из своих пределов, не быв ни победителями, ни побежденными; но король имел более славы, среди опасностей нового правления и внутренней измены отразив внешнего сильного врага, столь ужасного для его двух предшественников.

Не ослепляясь легкомысленною гордостью, боясь Менгли-Гирея и желая успокоить свою державу, благоразумный Сигизмунд снова предложил

мир Василию, который не отринул его. Глинский хвалился многочисленностью друзей и единомышленников в Литве, но, к счастью всех правлений, изменники редко торжествуют: сила незаконная или первым восстанием испровергает законный устав государства, или ежечасно слабеет от нераздельного с нею страха, от естественного угрызения совести, если не главных действующих лиц, то по крайней мере их помощников. Тщетно Глинские старались возмутить Киевскую и Волынскую область: народ равнодушно ждал происшествий; бояре отчасти желали успехов Михаилу, но не хотели бунтом подвергнуть себя казни; весьма немногие присоединились к нему, и войско

его состояло из двух или трех тысяч всадников; начальники городов были верны королю. Счастью Иоаннова оружия в войне Литовской способствовал Менгли-Гирей: Василий еще не видал в нем деятельного усердия к пользам России и, несмотря на союзную грамоту, утвержденную в Москве словом и печатую ханских послов, разбойники крымские беспокоили нашу Украйну, так что великий князь должен был защитить оную войском. Надежда возбудить ногаев к сильному впадению в Литву не исполнилась: слуга Василиев, князь Темир, ездил к мурзам, Асану и другим, сыновьям Ямгурчя и Мусы, с предложением, чтобы они, содействуя нам, отмстили королю вероломное заключение хана Шиг-Ахмета, связанного с ними родством и дружбою; Темир должен был вести их к берегам Дона и Днепра, но не мог успеть в своем поручении. Сии обстоятельства, моление вдовствующей королевы Елены, решительность Сигизмунда и сомнительный успех войны склонили Василия к искреннему миролюбию. Король прислал из Смоленска в Москву Станислава, воеводу полоцкого, маршалка Сапегу и Войтеха, наместника перемышльского, которые, следуя обыкновению, сначала требовали всего, а наконец удовольствовались немногим: хотели Чернигова, Любеча, Дорогобужа, Торопца, но согласились взять единственно пять или шесть волостей смоленских, отнятых у Литвы уже в государствование Василиево. Написали договор так называемого вечного мира. Василий и Сигизмунд, именуюсь братьями

и сватами, обязались жить в любви, доброжелательствовать и помогать друг другу на всякого неприятеля, кроме Менгли-Гирея и таких случаев, где будет *невозможно* исполнить сего условия (которое, следственно, обращалось в ничто). Король утверждал за Россию все приобретения Иоанновы, а за слугами государя Российского, князьями Шемякиным, Стародубскими, Трубецкими, Одоевскими, Воротынскими, Перемышльскими, Новосильскими, Белевскими, Мосальскими все их отчины и города. За то Василий обещал *не вступать* в Киев, в Смоленск, ни в другие Литовские владения. Далее сказано в договоре, что *великий князь Рязанский Иоанн Иоаннович* с своею землею принадлежит к государству Московскому; что ссоры между литовскими и российскими подданными должны быть разбираемы судьями общими, присяжными, коих решения исполняются во всей силе; что послам и купцам обеих держав везде *путь чист* и свободен: ездят, торгуют как им угодно; наконец, что литовские и наши пленники освобождаются немедленно. О Глинских не упоминается в сей грамоте, но судьба их была решена: Василий признал Мозырь и Туров, города Михайловы, собственностию королевскою, обещающая впредь уже не принимать к себе никого из литовских князей с землями и поместьями. Он удовольствовался единственно словом короля, что Глинские могут свободно выехать из Литвы в Россию.

Послы Сигизмундовы были десять раз у государя и дважды обедали. Раз-

менялись договорными грамотами. Сейм литовский одобрил все условия. Король целовал крест в присутствии наших послов в Вильне. Россияне и литовцы были довольны миром, но Глинские изъявляли негодование, и Сигизмунд уведомил великого князя, что Михаил не хочет ехать в Москву, думая бежать в степи с вооруженными людьми своими и мстить равно обоим государствам, но что войско королевское уже идет смирать сего мятежника. Василий просил короля не тревожить Глинских и дать им свободный путь в Россию. Проливая слезы, они выехали к нам из отечества со всеми ближними. Литва жалела, а более опасалась их. Россия не любила: великий князь ласкал и честил, думая, что сии изменники еще могут быть ему полезны.

Едва ли имея надежду и самое желание долго остаться в мире с Литвою, Василий нетерпеливо ждал вестей из Тавриды, чтобы удостовериться в важном для нас союзе Менгли-Гиреевом. Может быть, сей царь и не участвовал в набегах крымских разбойников на московские пределы, но усердие его к России явно охладело: держав Заболоцкого долее года, он прислал гонца в Москву с требованием, чтобы его пасынок, сверженный царь Казанский Абдыл-Летиф, был отпущен в Тавриду. Великий князь не сделал сего, однако ж возвратил Летифу свободу и милость, дозволил быть во дворце, обещал Каширу в поместье. Вероятно, что слух о мирных переговорах Сигизмунда с Василием

Великий князь литовский
и король польский Сигизмунд I.
Художник Г. фон Кульмбах. 1511–1518 гг.

решил наконец Менгли-Гирея утвердить дружбу с нами: по крайней мере, он немедленно отпустил тогда Заболоцкого и прислал трех вельмож своих в Москву с шертною золотою грамотою: дал клятву за себя, за детей и внучат жить в братстве с великим князем, вместе воевать и мириться с Литвою и с татарами; унимать, казнить своих разбойников, покровительствовать наших купцев и путешественников — одним словом, исполнять все обязанности тесной, взаимной дружбы, как было в Иоанново время.

Государь приказал встретить послов с великою честью, звать во дворец к обеду и клал на них руки в знак благоволения. Они представили ему 16 грамот от хана, писанных весьма ласково. Менгли-Гирей убеждал Васи-

Магмет-Гирей (Мехмед I Герай; 1465–1523) — хан Крыма (1515–1523); старший сын Менгли I Герая. Стремился объединить под своей властью все улусы распавшейся Золотой Орды. В 1519 г. его вассалом стала Ногайская Орда — владения Крыма распространились далеко за Волгу. В декабре 1518 г. умер московский ставленник в Казани Мухаммед-Амин. Весной 1519 г. Василий III посадил на его место касимского царевича Шах-Али. В 1521 г. Мехмед Герай прогнал его, поставил ханом своего младшего брата Сахиба Герая и предпринял большой

поход на Великое княжество Московское. Василий III бежал из столицы. Московские бояре от его имени выдали хану грамоту, в которой Русь обязывалась выплачивать Крымскому ханству дань такую же, какую она платила Золотой Орде. В 1523 г. Мехмед Герай занял Астрахань и провозгласил ее ханом своего старшего сына и калгу Бахадыра Герая, однако оба они вскоре были убиты ногайцами. В правление Мехмеда I Герая испортились прежде союзнические отношения Крыма с Москвой, поскольку исчез их общий враг — Большая Орда.

лия послать судовую рать с пушками для усмирения Астрахани, обещал всеми силами действовать против Сигизмунда и помогать Михаилу Глинскому, коего называл любезным сыном; просил ловчих птиц, соболей, рыбьих зубов, лат и серебряной чары *в два ведра*, требовал какой-то дани, платимой ему князьями Одоевскими, а всего более желал, чтобы государь позволил Абдыл-Летифу ехать в Тавриду для свидания с матерью. Сие последнее казалось Василию столь важным, что он собрал думу Боярскую и хотел знать ее мнение. Приговорили не отпускать Летифа. Государь велел ему самому явиться в Думу и говорил так: «Царь Абдыл-Летиф! ты ведаешь, что отец мой лишил тебя свободы за вину немалую. В угодность нашему брату, Менгли-Гирею, забыв твоё преступление, я милостиво дарую тебе вольность и город. Выслушай условия». Они состояли в том, чтобы Летиф клятвенно обязался верно служить России, не выезжать самовольно из ее пределов, не иметь сношения с Литвою, ни с другими нашими вра-

гами, и чтобы Менгли-Гиреевы послы утвердили сей договор собственною их присягою. Летиф винился, благодарил, считал себя недостойным видеть лице государево; клялся не угнетать христиан, не ругаться над святынею, доносить великому князю о всяких злодейских умыслах против него или государства. Вместо Каширы, прежде обещанной, ему дали Юрьев. Достоинно замечания, что и сам великий князь присягнул в доброжелательстве к Летифу, так же, как и в верности к Менгли-Гирею, исполняя требование послов крымских и совет бояр. Наместник перевицкий, Морозов, был отправлен в Тавриду изъяснить благодарность за дружбу хана, уверить его в нашей, известить о заключенном с Литвою мире и сказать наедине, что долгое молчание Менгли-Гиреево беспокоило государя; что носился даже слух о присоединении ханских сыновей к Сигизмундовой рати; что сие обстоятельство ускорило для нас мир; но что великий князь остается другом Менгли-Гирея и не боится новой, справедливой войны с их общим

естественным недругом; что нам нельзя послать людей с огнестрельным снарядом к Астрахани, ибо нет судов в готовности; что России, утомленной войнами, хотя мирной с Литвою, но угрожаемой ливонскими немцами, нужно отдохновение; что сам Иоанн никогда не посылал туда войска и проч. Уже ветхий летами и здоровьем, Менгли-Гирей не мог жить долго: Василий приказал Морозову тайно видеться с ханским старшим сыном, Магмет-Гиреем; обязать его клятвою в дружбе к России и присягнуть ему в нашей именованном государя.

[1509 г.] Сей посол имел неприятность в Тавриде от своевольства и корыстолюбия ханских вельмож. Государь именно велел Морозову наблюдать свое достоинство и не терпеть ни малейшего для нас унижения в обрядах посольских, ибо крымские мурзы любили величаться перед россиянами, вспоминая старину. «Я сошел с коня близ дворца,— пишет Морозов к великому князю,— у ворот сидели князья ханские и все, как должно, приветствовали посла твоего, кроме мурзы Кудояра, дерзнувшего назвать меня холопом. Толмач не смел перевести сих грубых слов, а мурза в бешенстве хотел зарезать его и силою выхватил шубу из рук моего подьячего, который нес дары. В дверях ясаулы преградили мне путь, бросив на землю жезлы свои, и требовали пошины; я ступил на жезлы и вошел к царю. Он и царевичи встретили меня ласково; пили из чаши и подали мне остаток. Я также поднес чашу им и всем князьям, но

обошел Кудояра и сказал хану: *Царь, вольный человек! сей мурза невежлив: суди нас... Называюсь холопом твоим и государя моего, но не Кудояровым. Говорю с ним пред тобою с очи на очи: как он дерзнул грубить послу и силою брать, что мы несли к тебе?* Менгли-Гирей, выслушав, извинял мурзу, но, отпустив меня, бранил его и выгнал». Морозов не согласился вручить хану своего посольского наказа, ни описи присланных с ним даров, ответствуя гордо вельможам царским: «Речи великого князя вписаны у меня только в сердце, а дары его вам доставлены: более ничего не требуйте». Один из сыновей ханских, жалуясь на скупость Василиеву, грозил Морозову цепями. «Цепей твоих не опасаясь,— сказал посол,— боюсь единственно Бога, великого князя и царя, вольного человека... Если оскорбите меня, то государь уже никогда не будет присылать к вам людей знатных».— Однако ж, несмотря на слабость отягченного летами Менгли-Гирея, коему сыновья и вельможи худо повинувались, наш союз с Тавридою остался до времени в своей силе.

Россия заключила тогда мирный договор и с Ливониею. В 1506 году вторично был у нас посол императорский Гартингер с дружественным письмом от Максимилиана, который снова просил великого князя освободить ливонских пленников. Василий сказал, что вольность их зависит от мира. Наконец магистр, архиепископ Рижский, епископ Дерптский и все рыцарство прислали чиновников в Москву. Сле-

дую правилу отца, государь не хотел сам договариваться с ними: они поехали в Новгород, где наместники Даниил Щеня, Григорий Федорович Давыдов и князь Иван Михайлович Оболенский дали им мирную грамоту от 25 марта 1509 года впредь на 14 лет. Освободили пленных; возобновили старые взаимные условия о торговле и безопасности путешественников в обеих землях. Важнее всего было то, что немцы отреклись от союза с королем Польским. Государь не забыл и наших церквей в Ливонии: магистр обязался блюсти их. В то же время император, ходатайствуя за Ганзу, писал к великому князю, что она издревле к обоюдной пользе купечествовала в России и желает восстановить свою контору в Новгороде, ежели возвратят любчанам товары, несправедливо отнятые Иоанном, единственно по наущению злых людей. Василий отвечивал Максимилиану: «Пусть любчане и союзные с ними 72 города шлют должное челобитие к моим новгородским и псковским наместникам: из дружбы к тебе вею торговать с немцами, как было прежде, но имение отняли у них за вину: его нельзя возвратить, о чем писал к тебе и мой родитель».

Утвердив спокойствие России, Василий решил судьбу древнего, знаменитого Пскова. Какое-то особенное снисхождение Иоанново позволило сей республике пережить Новгородскую, еще иметь вид народного правления и хвалиться тению свободы: могла ли уцелеть она в системе

общего самодержавия? Пример Новгорода ужасал псковитян, но, лаская себя свойственною людям надеждою, они так рассуждали: «Иоанн пощадил нас: может пощадить и Василий. Мы спаслись при отце благоговением к его верховной воле: не оскорбим и сына. Гордость есть безумие для слабости. Не постоем за многое, чтобы спасти главное, то есть свободное бытие гражданское, или по крайней мере долее наслаждаться оным». Сии мысли были основанием их политики. Когда наместники великокняжеские действовали незаконно, псковитяне жаловались государю, молили неотступно, но смиренно. Ненавядя князя Ярослава, они снова приняли его к себе наместником, ибо так хотел Иоанн, который, может быть, единственно отлагал до случая уничтожить вольность Пскова, несогласную с государственным уставом России: войны, опасности внешние, а наконец, может быть, и старость помешали ему исполнить сие намерение. Юный Василий естественным образом довершил дело отца: искал и легко нашел предлог. Хотя псковитяне вообще изъявляли более умеренности, нежели пылкие новгородцы, однако ж, подобно всем республикам, имели внутренние раздоры, обыкновенное действие страстей человеческих. Еще в Иоанново время был у них мятеж, в коем один посадник лишился жизни, а другие чиновники бежали в Москву. Тогда же земледельцы не хотели платить дани гражданам: вече самовластно наказало первых, отыскав древнюю уставную грамоту в доказательство,